

Лев Кузьмин
ЛОПАТКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1990

395755

Первоклассника Лёшеньку мать привезла из города в деревню к тётё Анне на все мартовские весенние каникулы.

Привезла, сказала:

— Вот! Набирайся тут новых сил на свежем воздухе да на парном молоке! У тётё Анны тебе будет славно.

И тётя Анна — сама вся, как видно, от парного-то молока да от свежего деревенского воздуха большая, крепкая, румяная — охотно подтвердила:

— У меня Лёшеньке будет хорошо!

Но не успела мать отдохнуть с дороги, как тут же засобиралась обратно на службу в город, а тётя Анна, не успела с матерью распрощаться, не успела ей помахать с крыльца, как в ту же минуту и сама сказала Лёшеньке:

— Мне тоже пора на колхозную работу, на ферму. Надо обихаживать там колхозных коровушек... А ты в доме хозяйном будь! Молоко да пирог на столе, тёплая лежанка — если захочешь вздремнуть — вот она... В общем, не скучай!

И шумная, проворная тётя Анна накинула шаль, натянула полушубок, убежала почти бегом, а Лёшенька в просторной, чистой и совсем теперь опустевшей избе заскучал крепко.

Он заскучал, потому что всё здесь для него было впервые, всё тут было непривычно, не по-городски.

Дома в городе он первым делом поднял бы сейчас телефонную трубку. Он принялся бы звонить такому же, как сам, мальчику Боре; а если не Боре, то Коле; а если не Коле, то Паше...

Ну, а когда ни того, ни другого, ни третьего на месте бы не оказалось, то дозвонился бы до одноклассницы-соседки Нади и, поскольку нынче каникулы, то пошёл бы к ней через лестничную площадку в гости или сам пригласил бы Надю к себе.

И вот они как раньше, ещё в детсадовском возрасте, с ней бы поиграли хоть в куклы, хоть в солдатики, хоть в интересную с передвижными бумажными кораблями игру «Смелые путешественники». А ещё лучше — сбежали бы с Надей вниз по гулкой лестнице в тесный, наполненный, как колодец, эхом, но всё же любимый двор. И там бы встретили Колю, Борю, Пашу. И бегали бы, возились на высоко нагромождённых снегоочистителем грудах снега до той вечерней поры, пока папы-мамы, возвращаясь в сумерках с работы, не принялись бы звать: «Надя, домой! Коля, домой! Лёшенька, домой...»

В городе, если надо, приятелей себе найдёшь в один миг.

А тут, в деревне, да ещё по первому разу, да ещё сидя в пустой, тепло натопленной избе, Лёшенька чувствует себя куда как скучно, даже одиноко.

Он запоздало сердится на мать. Он даже шепчет:

— Взбрело ей, что мне так нужен этот деревенский воздух! К чему-то выдумала, что я вот без этого тут в деревне молока пропадаю... Будто такое же молоко в городе, в магазинах не продают!

Лёшенька сердится на мать, сердится на тётю Анну, убежавшую от него, от гостя, на какую-то там ферму; он с упрёком глядит на пузатый сияющий на столе самовар. А кринку с молоком, тарелку с пирогом даже отодвигает. Тем более, что пирога уже отведал раз шесть.

Когда же Лёшенька смотрит через чистое окно на деревенскую улицу, то ото всей её огромности и тоже безлюдности

чувствует себя позаброшенным совсем.

Улица за окошком и на улицу-то не похожа! На ней — в оседающих мартовских снегах даже обтальные ряды берёз, даже тёмные крыши изб как бы не в счёт. А всего главней там убегающие за огороды белые поля, голубоватые за полями овраги, краснотальниковые вдали перелески и всё вокруг обнявшее, всё вокруг заполонившее своею нестерпимую синью высокое небо.

Лёшенька беспокойно размышляет: «Под это великанское небо после нашего в городе двора и выйти-то даже неуютно. Сразу чувствуешь: ты — маленький и не знаешь, куда тебе шагать... А сугробы — будто рухнули вниз облака! У них нет донца. Вьются по ним лишь узкие тропки. Ступи чуть вбок — и ухнешь в неизвестность... Ну как это мы с мамой пробежали тут утром с электрички и — не утонули? А ещё странней: где здесь играют ребята? Или деревенька под огромным небом

так мала, что в ней нет и никаких ребят? Тогда с кем же буду дружиться?»

Охваченный этой совсем уж внезапной, совсем тревожной мыслью, Лёшенька забывает свою боязнь перед необозримым законным пространством, сдёргивает с вешалки пальто — и вот он уже на крыльце. Лёшеньке невтерпёж глянуть: нет ли где, хоть за другим углом избы, здешних ребятишек?

Но и отсюда вид безлюдный, прежний. С тою лишь разницей, что стоять на ступенях крыльца под высоким небом вполне приятно. Деревенское небо на лёгком ветру, на воздухе видится даже как бы чуть ближе, а если запрокинуть голову да зажмурить глаза, то и солнце сверкучее — уже не солнце, а удивительный, поднебесный, рыжий котёнок. Он тянет мягкую лапку к тебе, он гладит тебя по лицу...

Лёшенька подставляет солнцу щёки — то левую, то правую, жмурится, шепчет вслух:

— Зря боялся! Но только не понятно и теперь: куда подевались здешние жители, большие и маленькие?.. Неужто все умчались с тётей Анной обихаживать коров? И что это за слово такое: «обихаживать?» Может, ухаживать? Вот в городе соседка Надя ухаживает за своим маленьким пуделем Трошкой, расчёсывает ему хвост, уши, вяжет на шею бантик-бабочку, и если это и здесь так, то побежать на ферму, «обихаживать» коров я не прочь тоже.

Только где эта ферма, как она выглядит — Лёшенька не ведаёт. А тропки все пусты. Нет никого и на соседних крылечках. И вот Лёшенька топчется в одиночестве, начинает подумывать: «Не пора ли возвращаться в избу к тарелке с пирогом?»

Но вдруг рядом почти, всего лишь в нескольких шагах от палисада тёти Анны, в такой же, как у неё, бревенчатой избе что-то запостукивало, протяжно заширкало.

Верней, заширкало не прямо в избе, а под тенистым, драчным на кряжистых столбах навесом, и там, полускрытый от солнышка, двигается кто-то живой.

Лёшенька по тропке так и полетел туда.

А там меж столбов, в тени крыши, на всё ещё ледовой земле — опилки, щепки, стружки; они пахнут летним бором. А там сухая берёзовая поленница, и за ней в углу — сбитый из толстых досок длинный стол. Рядом с ним по вороху стружки переступает валенками в лаковых калошах лёгонький старичок. Стружка у него на фуфайке, стружка — в седой, клином, бороде.

Старичок строгает круглую крепкую палку. Рубанок в его коричневых ладонях сердито выщёптывает: «Ш-шух... Ж-жух!» Ну а сам старичок — это прекрасно видно! — не хмурничуть. Он сам посматривает на Лёшеньку прищуристыми серыми глазами приязненно, он помогает Лёшеньке справиться с первым при знакомстве замешательством:

— Ага-а... Вот и Аннушкин гость! Ну, здорово бывали... Вышел я построгать, вижу — ты на крыльце стоишь. Думаю, сейчас ко мне и явишься... Как звать-то?

— Лёшенька...

— Выходит, Алексей! А меня кличут дедко Фрол.

Старик улыбается ещё открытей, меж бороды и усов вспыхивают поразительно целые, словно репки, зубы. Старик — приятен. С ним Лёшеньке делается в один миг легко.

Он спрашивает в свою очередь:

— А что ты, дедко Фрол, строгаешь за этим столом?

Дедко смеётся:

— Это не стол. Это, чудашка, верстак... А строгаю я новую рукоять для лопаты. Весна вон отмыкает ключи и воды, снег скоро в речки сбежит, обсохнут огородцы, а у меня вот и лопата наготове... Грядки копать!

И Фрол добавляет почти нараспев:

— Хоро-о-ошая, брат, стучится к нам пора! Весёлая!

А Лёшенька сей же час припоминает своё наболевшее, говорит вдруг уныло:

— Ну уж нет... Ничего у вас весёлого в деревне пока не видно. Поиграть на улице и то не с кем. У вас тут ребят в деревне — совсем-совсем никого!

— Как — никого? — даже перестаёт строгать старик. — Как это — никого? У Семёновых — Юрка, у Лепёшкиных — Манька, у Бутузовых вообще детворы полная изба.

— Так чего ж не выходят на улицу?

— А вот это — вопрос. Но в целом тоже ясный! Юрка не выходит, потому что отец наверняка его заставил помогать бабушке. Заставил перебирать вместе с ней в подвале картошку... У них каждую весну мокнет подвал, а картошка мокряди не любит. Это — раз!

Старик приподымает ладонь, загибает палец, пускается в дальнейшее разъяснение:

— Лепёшкина Манька учится на машинке шить. У неё мать — рукодельница. И когда мать на колхозной работе, то Манька сама садится к машинке, сама старается над каким-нибудь шитьем. Это — два! Ну а Бутузовы ребяташки, поскольку их уйма, нянчатся друг с другом. Младшие приглядывают за меньшими, старшие — за младшими. Сами друг друга умывают, сами друг друга одевают, сами накрывают стол, завтракают... Хлопот у них полон рот! Без дела на улицу они выйдут тоже не так-то скоро.

И тут, вместо того чтобы добавить: «Три!», дедко Фрол как бы призадумывается, глядит на Лёшеньку:

— А впрочем, созвать их к тебе в дружки — задача не велика... Для этого есть одно славное средство.

— Какое? Самому их вызывать, выкликать? Так я стесняюсь.

— Нет!

И Фрол стаскивает из-под самой крыши с верха поленницы сухую дощечку, зачем-то примеряет к Лёшеньке. Когда же видит, что дощечка мальчику почти по грудь, то говорит опять непонятно:

— Заготовка в самый раз!

И берёт острый топор, дощечку быстро тешет.

Лёшенька глядит, недоуменно пыхтит. А дощечка прямо на глазах превращается в новенькую деревянную жёлто-светлую лопатку.

Фрол по ней и рубанком пошуршал, и собственной ладонью вверх-вниз поводил и, довольный, ухмыльнулся:

— Во! Ни сучка, ни задоринки! То самое средство! Беги, применяй по назначению!

— По какому назначению? — не понял опять Лёшенька. Но, ухватив ладную лопаточку, так и засветился: — По какому такому назначению?

— По такому, что у тебя теперь есть чем делать собственное дело. А начнёшь делать дело — к тебе кто-нибудь не-

пременно явится на подмогу... Беги, начинай, копай!

— Да что копать-то? Снег, что ли?

— А хоть бы и снег! Эта работёнка нынче необходимая... Под снегом ручьи рождаются, надо им от домов, от крылец дать отводную дорогу.

— Так я, дедко Фрол, от твоего крыльца и начну!

— От моего — сделаю сам. Потрудись у себя. Вернётся с фермы тётя Анна, тебя похвалит.

— Мне надо, чтоб не только тётя Анна, мне надо, чтоб прибежали все ребята... Ну, пусть не все, пусть хоть только Бутузовы.

— Иди, иди, начинай!

И Лёшенька побежал поближе к избе тёти Анны и там, не заходя за угол, на виду у всей деревни приступил к делу.

Правда, едва он сшагнул с утоптанной тропки, то тут же и провалился. Но сапоги были крепкие, ничего неприятного не произошло. Более того, когда Лёшенька сырую белую целину копнул раз-другой, когда увидел, что дно канавки сразу заполняет темноватая быстрая вода, то даже засмеялся:

— Родился ручеёк!

И талая вода пахла такой свежестью, она с таким приятным бульканьем оплёскивала новую лопаточку, что Лёшенька вмиг и позабыл о своей главной задумке. Ему было просто хорошо — и всё! Он лишь бормотал, сам напевал, как этот новорожденный ручей:

— Хорошо, хорошо, расчудесно! Здесь пушу воду налево, там пушу воду направо, а в этом месте она пускай бежит напрямки!

— Хватит тебе одному копать, давай теперь я покопаю! — вдруг он услышал за спиной.

Лёшенька оторопело оглянулся, увидел мальчика.

Лицо мальчика — кругло, румяно; лохматая шапка налезла чуть ли не на нос; клетчатое замурзанное пальто — широко; резиновые сапоги велики мальчику чересчур.

— Бутузов! — так и вскричал Лёшенька.

Мальчик удивился, ссунул шапку с бровей на затылок:

— Как угадал?

— А я догадливый! — похвалился Лёшенька и весело добавил: — Я догадливый потому, что хожу уже в школу, в первый класс!

Но мальчика такая похвальбишка не сразила. Он сам засмеялся, он похвастался сам:

— Подумаешь! У нас Оля да Толя ходят во второй! А я на тот год пойду в школу тоже... А за мной пойдут: сразу Шурка, за Шуркой Ванька, за Ванькой Федька... Вон они все сюда наддают, мчатся на полных парах!

От избы Бутузовых в сторону Лёшеньки по тропке в самом деле неслась, на ходу падала, снова поспешала целая вереница ребятишек — мал мала меньше. И все они — крепастенькие, шустрые, все они — в таких же не очень уклюжих, великоватых сапогах.

Они кричали:

— Мы тоже будем ручьи пропускать! Мы — тоже!

Лёшенька обрадовался пуще прежнего, закричал ответно:

— Будете!

Но, играя, спрятал лопаточку за собственную спину:

— Только скажите сначала, отчего у вас, у Бутузовых, у всех сапоги такие большие?

— А они большие не очень! К осени станут в самый раз! — ответил всё тот же, первый Бутузов. — Это не сапоги большие, а это мы сами всё ещё растём да растём. Но растём быстро, вот нам всё с запасом и покупают! А иначе, говорит мамка, не на-по-ку-па-ешь-ся... Лишь у наших Толи с Олей одёжка-обувка по мерочке. Да ведь они — школьники. А в школу ходить, говорит папка, хочешь не хочешь, а надо по всей форме... Верно?

— Верно. Вот только мне почему-то об этом никто никогда ни слова не говорил... Мне просто покупают каждый раз новые сапоги, и — порядок! — улыбается Лёшенька.

И тут же начисто забывает о сапогах. Да и в них ли дело? Главное дело в том, что окружала его теперь целая ватага дружественно настроенных Бутузовых, подошли даже одетые-обутые по мерочке Толя с Олей. А ещё прибежала, оставила стоять свою машинку швейную, Маня Лепёшкина, с крыльца

Семёновых крикнул подросток Юрка:

— Эй вы, пацаны! Кончу перебирать в подвале картошку, прибегу, помогу вам... А потом вы поможете мне отвести ручей от крыльца от нашего!

— Поможем! — замахали малыши. — Только вот жаль: всем-то вместе копать нечем.

— Как это нечем? — протестует Лёшенька и, долго не раздумывая, суёт лопатку тому Бутузову, что появился тут первым:

— Бери, копай с другими в очередь! А я — сейчас...

И Лёшенька припустил во всю прыть под знакомый навес.

А дедушка Фрол уже всё видит, стоит, ждёт, довольно посмеивается:

— Ну, как? Правда, на добрый почин полно добрых товарищей слетелось?

— Ох, слетелось... Пожалуйста, выручай снова!

— А я эту выручку приготовил давно... — И старик улыбается, да и тут же поднимает с верстака жёлтеньких, новеньких, пахнувших сосновой стружкой лопаток целую ношу: — Если дружная работа началась, то пускай теперь идёт без остановки!

Для дошкольного возраста

Лев Иванович Кузьмин

ЛОПАТКА

Художник В. Дугин

Редактор *Г. Гладкова.*
Художественный редактор *О. Ведерников.*
Технический редактор *М. Матюшина.*
Корректор *Н. Шадрина.*

ИБ № 2736

Сдано в набор 31.03.89. Подписано в печать 16.10.89. 60×90¹/₈.
Бум. офс. № 1. Гарнитура литер. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,5.
Усл. кр.-отг. 10,0. Уч.-изд. л. 2,24. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1787.
Заказ № 2694. Цена 25 коп. Издательство «Малыш». 121352,
Москва, Давыдовская ул., д. 5.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомизда-
та РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К 4803010201—070 58—90
M102(03)—90

ISBN 5—213—00022—3

© илл. Издательство «Малыш» 1990